

ГОРСКИЕ ЕВРЕИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ В УСЛОВИЯХ (ПЕРЕ)КОНСТРУИРОВАНИЯ ГРУППЫ: 1920-Е — НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ

Д.В. Сень

Дмитрий Владимирович Сень | <http://orcid.org/0000-0002-5222-4685> | dsen1974@mail.ru | д.и.н., профессор Института истории и международных отношений | ФГАОУ ВО “Южный федеральный университет” (ул. Большая Садовая 105/42, Ростов-на-Дону, 344006, Россия)

Ключевые слова

адаптация, горские евреи, переселение, Северный Кавказ, Северо-Кавказский край

Аннотация

В статье анализируется политика советской власти по расселению и землеустройству в Моздокском и Степновском районах Терского округа Северо-Кавказского края нескольких групп горских евреев. Выявляются цели и задачи (экономические и политические), а также этапы соответствующих переселенческих мероприятий 1920-х — начала 1930-х годов. Выявляются происхождение и количественный состав нескольких групп горских евреев, активно вовлекаемых различными органами власти и другими структурами в расселение по территории Терского округа. Исследование позволило установить существенную роль краевых отделений Общества по земельному устройству еврейских трудящихся и Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся в процессах освоения горскими евреями выделенных им участков в Терском округе. По итогам проведенного исследования существенно уточнен групповой состав (происхождение и пр.) горских евреев, участвовавших в создании (моно)еврейских поселений на территории Северо-Кавказского края.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 23-28-00106]

В историографии существует мнение о том, что самым известным примером “поселенческой политики в отношении евреев на Юге России (в 1920-е годы. — Д.С.) стала организация двух населенных пунктов Ганштаковки Моздокского района и Богдановки Степновского района” (Акопян 2016: 55). Данное суждение может быть принято при определенном уточнении: приведенный социально-экономический и политический проект советской власти не был “предопределен” в географическом отношении. Более того, на протяжении

Статья поступила 12.08.2024 | Окончательный вариант принят к публикации 02.09.2024

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Сень Д.В. Горские евреи Северо-Кавказского края в условиях (пере)конструирования группы: 1920-е — начало 1930-х годов // Этнографическое обозрение. 2024. № 5. С. 10–28. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050027> EDN: ASZWJE

Sen', D.V. 2024. Gorskie evrei Severo-Kavkazskogo kraia v usloviakh (pere)konstruirovaniia gruppy: 1920-e — nachalo 1930-kh godov [Mountain Jews of the North Caucasus Area in the Condition of (Re)construction of the Group: 1920s — Early 1930s]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 10–28. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050027> EDN: ASZWJE

Этнографическое обозрение | ISSN 0869-5415 | Индекс 38741 | <http://eo.iea.ras.ru>

© Российская академия наук | © Институт этнологии и антропологии РАН

1920-х годов рассматривались различные варианты обустройства горских евреев Северо-Кавказского края (далее – СКК) путем решения более общей задачи – землеустройства на Юге России так наз. трудящихся евреев – как горских, так и ашкеназов, как старожильческих еврейских групп, так и “новых” сообществ, появившихся в регионе после Первой мировой и Гражданской войн. Цель статьи состоит в исследовании переселенческих процессов, инициированных советской властью и ее органами, приведших к изменению пространственного размещения горских евреев на территории СКК в 1920-е – начале 1930-х годов. Автор полагает необходимым актуализовать вопросы формирования населения хуторов Ганштаковка и Богдановка за счет прежде всего *разных* горско-еврейских групп Северного Кавказа, их адаптации к новым условиям (включая трансформацию традиционных занятий и участие в реализации советской властью политики коренизации, коллективизации, культурной революции). Определение мест “выхода” горских евреев на территорию Терского округа в 1920-е годы с других территорий Северного Кавказа – актуальная исследовательская задача, решаемая автором с привлечением новых архивных документов.

Существенный исследовательский интерес представляют мероприятия различных органов и структур (не только краевых отделений Комзета – Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся и ОЗЕТа – Общества землеустройства еврейских трудящихся, но и их низовых структур, а также крайкома и крайисполкома СКК) по выявлению, учету и перемещению горско-еврейского населения, а также получению всевозможных сведений о нем. Полагаю, что в ходе таких мероприятий осуществлялись многочисленные описания конкретных горско-еврейских групп; терминология, методика и содержание этих описаний могут быть успешно применены в ходе реконструкции миграционной истории горских евреев в 1920-е – начале 1930-х годов, а также представлений о них в советском обществе и его структурах. Наконец, считаю перспективным изучение новых для горских евреев СКК процессов группообразования, характеризуя их участников в качестве локальных “сетевых сообществ”¹. (Моно)горско-еврейские хутора (колонии) Богдановка и Ганштаковка стали итогом не только концентрированного заселения так наз. еврейских колонизационных фондов, но и менявшихся акторно-сетевых коммуникаций самих горских евреев. Примечательно, что здесь во второй половине 1920-х – 1930-е годы свое развитие получили коммуникационные векторы, характерные для локальных горско-еврейских групп Северного Кавказа в дореволюционный период. Одна из групп (кубанские “джегонасы”), что примечательно, обрела новые основания для “открытой” консолидации и пополнения, так как события Гражданской войны привели к ее существенно ослаблению и даже к “исчезновению” из общественного (в т.ч. дискурсивного) пространства до событий середины 1920-х годов. Произошло очередное конструирование группы (групп) горских евреев, создававшей(ших) в моделируемых властью условиях новые для себя культурные симбиозы. Необходимо сказать также о том, что некоторые вопросы еврейской, в частности горско-еврейской, колонизации Северного Кавказа, деятельности ОЗЕТа и Комзета на Юге России в 1920-е – начале 1930-х годов исследовались в трудах В.З. Акопяна, В. Дымшица, В.Ю. Коваленко, С.А. Шпагина (Акопян 2016; Дымшиц, Бегун 1999; Коваленко 2009: 159–210; Шпагин 1994, 1995). Уникальный полевой материал, в том числе повествующий о жизни горских евреев Богдановки и Ганштаковки (хутор Менжинского), собран усилиями С.А. Даниловой (Исход горских евреев 2000).

К середине 1920-х годов численность евреев СКК, образованного в 1924 г., почти удвоилась (Акопян 2016: 52); это произошло за счет как европейских (покинувших западные районы страны), так и горских евреев (оставивших свои поселения в Дагестане и Северном Азербайджане). По данным А.В. Аверьянова, евреи оказались на пятом месте среди национальных меньшинств СКК по итогам Всесоюзной переписи 1926 г. (Аверьянов 2020: 105): их было 39500 человек. Примечательно, что именно по итогам этой переписи горские евреи впервые были выделены в качестве отдельной этнической общности; их численность на территории края составила около 4 тыс. человек (Там же). Для сравнения приведем численность горских евреев в СССР по переписи 1926 г.: мужчин 12476 человек (городское и сельское население), женщин 13390 человек, всего 25866 человек; из них в РСФСР – мужчин 7421 человек, женщин 8088, всего 15509 человек (Всесоюзная перепись 1928: 10). При этом подавляющая часть горских евреев проживала в городах. Замечу, что горские евреи СКК (“городские” и “сельские”) оказались представлены в это время не только старожильческими группами (Грозный, Нальчик, горско-еврейское население бывшего пос. Джеджонасско-Еврейского Кубанской обл.), но также переселенческими (беженцы). В последнем случае речь идет о том, что,

будучи переселенцами из Дагестана и северного Азербайджана, чьи аулы были разрушены в ходе Гражданской войны, горские евреи (т.е. *новые* переселенцы. – Д.С.)... обосновались главным образом в городах Северо-Кавказского края, в том числе Грозном, Пятигорске, Моздоке и т.д. (Аверьянов 2020: 105).

“Приобщение” горских евреев к сельскохозяйственному труду было тесно увязано не только с идеологией, но и с географией их будущего расселения по *разным* территориям СКК. Новые инициативные работы начались уже в 1925–1926 гг., в период открытия в крае региональных и местных отделений Комзета и ОЗЕта. К слову, региональные власти и общественные организации понимали специфику социально-экономических проблем именно горских евреев СКК. 28 сентября 1926 г. секретариат Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) утвердил предложение комиссии краевого агитпропа о работе среди горских евреев. Признавалось, что поскольку “горско-еврейская народность как по языку, быту и другим признакам мало общего имеет с европейским евреем... их обслуживание должно производиться самостоятельно горскими евреями” (ЦДНИРО. Д. 340. Л. 4, 13)². Столь “идеалистическая” позиция вскоре сошла на нет: вопросы землеустройства горских евреев, их переселения на новые места жительства стали направляться и даже решаться Северо-Кавказским областным (с 1927 г. – краевым) правлением ОЗЕта и краевым отделением Комзета, а также крайкомом и крайисполкомом СКК. Горских евреев поддерживали и власти Кабардино-Балкарской автономной области (КБАО); во второй половине 1925 г., по итогам работы III пленума ЦИК КБАО 26 июля 1925 г. (в т.ч. благодаря личной активной позиции руководителя КБАО Б.Э. Калмыкова) Нальчикская горско-еврейская колонка (поселок) была выделена в отдельную административную единицу с автономным управлением (автономию) – Горско-Еврейскую колонию (УЦГА АС КБР. Д. 251. Т. 1. Л. 38–38об, 39–39об; Д. 122. Л. 190–191; Сень 2023: 57–68). Согласно протоколу заседания секретариата Северо-Кавказского краевого комитета ВКП(б),

доклад о работе среди горских евреев (а также о землеустройстве трудящихся евреев) было решено представить на краевом совещании секретарей еврейских секций 24 ноября 1926 г. (ЦДНИРО. Д. 315. Л. 2). СевкавОЗЕТ и СевкавКомзет активно занялись в 1926 г. сбором информации о горских евреях Северного Кавказа, в частности путем выезда в города региона (ГАРО. Д. 1. Л. 10–13, Д. 32. Л. 12); в том же году стали уточняться планы переселения горских евреев Моздокского района на участок в Терском округе (Там же. Л. 14–18). Имеются данные о 138 семьях в составе 662 едоков, зарегистрированных для этого переселения (Там же. Л. 14), а также о программе обустройства для первых 60 семейств горских евреев на 1927 г.

Вопрос о землеустройстве горских евреев в районе Моздока Терского округа был поставлен на повестку дня уже весной 1925 г. Бюро Терского окружкома партии, рассмотрев 14 мая положение нацменьшинств в Моздокском районе, приняло решение предложить Окрплану обсудить возможность наделения землей “проживающих в районе армян и горских евреев” (Акопян 2016: 55). В мае 1926 г. еврейским беженцам было выделено 2648 десятин земли в Пиевском сельсовете в 22 верстах к северу от Моздока. На них предполагалось поселить те самые 138 семей в составе 662 человек, о которых писалось выше (Там же); причем СевкавОЗЕТ склонялся к переселению моздокских горских евреев не в 1926, а в 1927 г. (ЦДНИРО. Д. 14. Л. 1). Судя по всему, только в 1927 г. произошло закрепление, с одобрения Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), за горскими евреями определенного им земельного участка (ЦДНИРО. Д. 471. Л. 2, 31). При поддержке Комзета и ОЗЕТа активно выделялись средства и техника для будущих переселенцев. В одной газетной публикации 1926 г. говорилось о том, что в ближайшие три года Комзет планирует “охватить землеустройством до 600 семей горских евреев, преимущественно беженцев из Джагонасса, Дагестана и Закавказья, проживавших в Грозном и других городах края” (Акопян 2016: 55).

Вместе с тем еще до создания в регионе структур Комзета и ОЗЕТа их Центральными правлениями, а также Северо-Кавказским крайкомом ВКП(б) прорабатывался вопрос об осуществлении еврейской колонизации в Черноморском и Сальском округах СКК (Там же). Одним из решений Бюро крайкома ВКП(б) от 29 мая 1925 г. признавалось “возможным переселение евреев в Сальский округ на бесспорно свободные земли, при условии полного устранения возможности к созданию земельных тяжб с окружающим населением” (ЦДНИРО. Д. 121. Л. 2). На заседании Бюро крайкома от 29 августа 1925 г. слушался вопрос о предоставлении евреям земельных участков в Сальском и Черноморском округах: постановление Президиума Черокрисполкома было одобрено, а фракции Президиума КИКа (Краевого Исполнительного комитета) было поручено согласовать окончательную редакцию документа (ЦДНИРО. Д. 138. Л. 1). Идея переселения горских евреев Моздока в Сальский округ была поддержана крайкомом и крайисполкомом СКК. В.З. Акопян полагает, что “Сальский проект”, несмотря на поддержку со стороны Центрального правления ОЗЕТа и центральных советских учреждений, провалился (Акопян 2016: 54). Это не вполне верно, поскольку образованная тогда в округе Ново-Израильская община оказалась вообще представлена не евреями, а русскими сектантами (ЦДНИРО. Д. 563. Л. 12–13, 25). Кроме того, в ходе обсуждения данного проекта по землеустройству горских евреев в 1926 г. власти как раз *не торопились*: учитывались риски освоения именно этого массива как не очень подходящего

в климатическом и др. отношениях (ГАРО. Д. 14. Л. 1, 3, 21–25об., 32). При этом была предпринята попытка решения действительно сложной задачи: изучить “в естественно-историческом и экономическом отношениях” те районы СКК, “в которых возможен был бы массовый переход к сельскому хозяйству трудящихся евреев” (Там же. Л. 5). Более того, идея переселить “трудящихся евреев” в Сальский округ вновь была представлена в планах СевкавОЗЕТа на 1929/1930 хозяйственный год (ГАРО. Д. 56. Л. 36, 58).

Еще один вектор решения вопроса о землеустройстве трудящихся евреев был связан с возможным созданием так наз. Приазовской Еврейской автономной области со столицей в Керчи. Территория области должна была частично охватить земли между Кубанью и Азовским морем (Кубанский округ Северо-Кавказского края) (ЦДНИРО. Д. 370. Л. 95, 96; *Могаричев* 2018: 85–98, 2020: 58–64; *Гольде* 1928: 13–15, 1929а: 6–9, 1929б: 3–4; ЦК РКП(б)–ВКП(б) 2005: 368–369, 374–375, 376–378). Провал данного проекта оказался связан с разными причинами, в том числе с негативным отношением к нему многих советских руководителей. Другое дело, что в ходе обсуждения указанного проекта (напр., в 1926 г.) рассматривалась возможность заселения евреями также Черноморского побережья СКК (ЦДНИРО. Д. 370. Л. 96, 142, 143). Отмечу, что выделение земель в Новороссийском округе (т.е. на Черноморском побережье Кавказа) предусматривалось как дополнительная мера, “имея в виду переселение туда также горских евреев” (Там же. Л. 143). Любопытно, что это была цитата из окончательной редакции документа “О землеустройстве евреев”, принятого на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 8 июля 1926 г. Впрочем, еще в справке комиссии Политбюро от 23 февраля 1926 г. (ЦК РКП(б)–ВКП(б) 2005: 370) указывалось, что планируемые для выделения евреям земли Черноморья предназначались именно горским евреям. Другое дело, что центральные власти явно переоценивали тогда численность горских евреев: “На Кавказе имеется 75 тыс. чел. горских евреев, изгнанных во время Гражданской войны из их горных аулов, где жили горным земледелием и садоводством” (Там же). Не исключено, что существенное охлаждение советского руководства к созданию Еврейской автономной области привело к активизации планов по компактному расселению горских евреев по территории СКК. Можно также предположить, что после исключения Сальского округа из земель, предназначенных для массовой еврейской колонизации (Еврейской автономной области?) (Там же: 375), актуализировался вопрос о переселении туда именно горских евреев.

Правовое и иное, включая финансовое, сопровождение землеустройства горских евреев в Моздокском районе было закреплено на Бюро Севкавказкома ВКП(б) 13 мая 1927 г. (ЦДНИРО. Д. 471. Л. 2, 31). СевкавОЗЕТ принимал активное участие в финансовой поддержке горских евреев Терского округа, в том числе путем перечисления средств Терскому отделению ОЗЕТа, как, например, в 1927 г. – “на кормешку (sic!) и питание переселенцев и скота” (ГАРО. Д. 22. Л. 4). Именно Терское отделение ОЗЕТа, как сказано в источнике, осуществляло всю оперативную работу “по земельному устройству Горских евреев в Моздокском и Степновском районах” (ГАРО. Д. 47. Л. 69). Уже весной 1927 г. на так наз. Моздокских фондах поселились первые 60 семей горских евреев, населенный пункт которых сначала получил название Возрождение, а затем стал именоваться Ганштаковкой (в честь М.И. Ганштака – на тот момент председателя Терского окружного отделения ОЗЕТа) (*Акопян* 2016: 55). На заседании президиума

Терского отделения ОЗЕТа от 6 октября 1927 г. М.И. Ганштак сообщил о своей поездке в Моздокский и Степновский районы, в том числе об обустройстве первой очереди так наз. моздокских переселенцев в количестве 60 семейств, “почти все с семьями, на участке”. Там же заканчивались работы по возведению первых 23 домов и пр. (ГАРО. Д. 35. Л. 42). Весной того же года колонисты Возрождения произвели посев ряда зерновых и иных культур, хотя урожай в целом не удался (У горских евреев-колонистов 1927). Намного важнее свидетельство тех лет о том, что эти горские евреи из Моздока являлись выходцами из Дагестана, бежавшими оттуда в 1918 г., а также об их количественном составе: 160 семейств, из которых “138 с 622 едоками осели на землю” (Там же).

Важно, что в докладе М.И. Ганштака было упомянуто об “участке Джегонасса” и “о джегонасских переселенцах”, обустройству которых должна была посодействовать передача участка № 72, принадлежавшего артели “Зернопродукт”. Признавалось необходимым “немедленно приступить к организации переселенцев Джегонасса, составить списки уже изъявивших переселиться”, произвести заявку на 2000 десятин земли для 100 семейств этих переселенцев. Наконец, для проведения в жизнь постановления Президиума об организации Джегонасских переселенцев, оформления их в товарищества, а также для ознакомления их с положением дел и планами ближайших работ по Степновску было решено командировать в станицу Невинномысскую т. Дикмана. Эта информация имеет принципиальное значение для решения актуального вопроса о месте (местах) проживания горских евреев Джегонасско-Еврейского поселка в годы Гражданской войны и по ее окончании. По мнению В. Дымшица, во время Гражданской войны “станция (Джегонаская, по терминологии автора.— Д.С.) была разрушена, а евреи бежали в соседний Моздок” (Дымшиц, Бегун 1999: 182). В.И. Колесов пишет, что поселок исчез в начале 1920-х годов, а “жители его расселились по другим районам Северного Кавказа” (Колесов 2020: 40). В.Ю. Коваленко считает, что, согласно большевистской точке зрения, отраженной в одном из документов того времени, джегонасские евреи

покинули место проживания вследствие набегов банд Шкуро на Карачаево-Черкессию, которые практически до основания разорили поселение. В результате горские евреи бежали и укрылись в станице Невинномысской, а “остатки селения Джегонасс были заняты карачаевским народом” (Коваленко 2009: 138).

И.В. Михайлов посчитал, что “в 1918 г. аул (так он именует с. Джегонасское.— Д.С.) был уничтожен белогвардейскими бандитами, которые дислоцировались в лесах Джагонаса” (Михайлов 2014: 35). Вопрос о судьбе джегонасских горских евреев (об истории этой группы см.: Колесов, Сень 2000) в 1920-е годы носит действительно дискуссионный характер (Соловьева 2016: 170–171; Хатуев 2016: 43); полагаю, что об их массовом проживании в родном поселке на территории Карачаево-Черкесской автономной области в указанный период говорить не приходится. Конечно, отдельные горские евреи из числа старожилов могли вернуться в с. Джегонасское — именно так в постреволюционных условиях стал называться пос. Джегонасско-Еврейский. В 1922 г. указанное селение отошло в составе многих других населенных пунктов Баталпашинского отдела к Карачаево-Черкесской автономной области, учрежденной декретом ВЦИК

от 12 января 1922 г. При этом замечу, что исчезновение из устоявшегося топонима (“Джегонасско-Еврейский”) второй, “этнически” маркированной его части, может свидетельствовать о том, что к указанному времени горские евреи *массово* там не проживали. К сказанному добавлю, что с. Джегонасское, вероятно, не было полностью уничтожено и что часть горских евреев проживала в нем в первой половине 1920-х годов. На это, к примеру, указывают данные военно-учетной карточки Г.С. Рабаева, горского еврея, 1924 г.р. Он показан уроженцем “села Джекана” Усть-Джегутинского р-на Орджоникидзевского края (Рабаев Г.С. б.г.). Безусловно, приведенное название является производным (искаженным) от “Джего(а)нас”. В другом документе о Г.С. Рабаеве вариант названия места его рождения (“с. Джаганаз”) (Учетная карточка Г. Рабаева б.г.) еще ближе к интересующему нас “исходному” топониму. “Обнаружение” джегонасских евреев в ходе переселенческой политики советской власти в Терский округ во второй половине 1920-х годов я бы выделил как самостоятельный кейс, поскольку этот вопрос исключительно важен для исследователей, занимающихся историей горских евреев Северо-Западного Кавказа XX в. Полагаю, что большая часть джегонассцев, по состоянию на середину 1920-х годов (и, предположу, даже несколько раньше) проживала на территории Армавирского округа, непосредственным образом “тяготая” к станции Невинномысской. Одна из загадок их пребывания на территории данного округа состоит в том, что Всесоюзная перепись 1926 г. их вообще там не зафиксировала! Полагаю, что “бывшие” джегонасские евреи были “обнаружены” усилиями властных и общественных структур в ходе колонизации так наз. еврейских фондов Терского округа СКК. Очевидно, связующую *позитивную* роль между ними и крупными властными и иными структурами СКК сыграло Армавирское отделение ОЗЕТа, созданное 24 июня 1927 г.; подобное отделение также существовало в станции Невинномысской. Один из самых первых (среди других выявленных) документов о намечавшемся переселении джегонасских евреев относится к лету 1927 г. В оперативных планах Терского отделения ОЗЕТа на вторую половину 1927 г. значился “перевод на землю 70 семейств Джегонасских горских евреев” (ГАРО. Д. 35. Л. 2). В целях их инструктирования и проведения регистрации “в центр их места нахождения в станицу Невинномысскую (sic!) был командирован член правления Терского ОЗЕТа т. Большук” (Там же. Л. 5). Исключительно важна фраза из того же документа о том, что “Джегонасские евреи проживают в ряде станиц и аулов!” (Там же); необходимую работу по их *выявлению* и регистрации предполагалось закончить в начале сентября 1927 г. Определенная инициатива имела место со стороны самих джегонассцев: так, их представителями было направлено письмо в Терское окружное правление ОЗЕТа в том же году (Там же. Л. 38).

Официально открыть колонию Ганштаковка планировалось 28 декабря 1928 г. после намеченных на 22 декабря выборов сельсовета и его председателя (ГАРО. Д. 47. Л. 10б). В этот же день (22 декабря) должны были заслушать и отчетный доклад Моздокского РИКа. При этом вопрос о горско-еврейском сельсовете курировался, что вполне естественно, крайисполкомом (Там же. Л. 26). Любопытно, что когда 12 января 1929 г. выборы в этот сельсовет наконец были проведены, то оказалось, что из 10 депутатов половину составляли коммунисты и комсомольцы. В.З. Акопян полагает, что такое положение вещей связано с проживанием в Ганштаковке ашкеназских евреев, среди которых было больше членов ВКП(б) (Акопян 2016: 57). Власти старались решать вопросы обустрой-

ства горско-еврейских переселенцев в Терском округе: для них строились дома, рылись колодцы, организовывались подсобные заработки, выделялись семенные ссуды, трактора, развивалась инфраструктура; жители хуторов привлекались к участию в посевных кампаниях (ГАРО. Д. 47. Л. 4, 5, 7, 8, 21, 25, 35об, 36–37, 53; Д. 32. Л. 2, 10; Д. 56. Л. 36; ЦДНИРО. Д. 728. Л. 7). Показательны слова председателя Терского Комзета Окрисполкома т. Костенко на заседании 6 сентября 1928 г.: “Констатировать удовлетворительное состояние на фондах Моздокского переселения, считая, что первая еврейская деревня на Северном Кавказе построена” (ГАРО. Д. 47. Л. 29). На том же заседании выражалась готовность помочь переселенцам преодолеть трудности очередного зимнего сезона. Положение дел на Степновских участках, признававшееся нормальным, все же характеризовалось недовольством со стороны переселенцев в связи как с недоработками ОкрЗУ, так и с “недисциплинированностью Грозненской группы переселенцев” (ГАРО. Д. 47. Л. 29).

Преследуя цели “аграризации” горских евреев, власти не всегда были последовательны в действиях по сохранению их традиционных занятий³. Параллельно решались вопросы так наз. культурного строительства, включая пропаганду и внедрение нового образа жизни, в том числе с помощью выдвиненцев из рядов самих горских евреев-переселенцев. Так, Д.А. Измайлов был утвержден в должности избача в “колонии Ганштаковка” с 1 октября 1928 г. с окладом 49 руб. в месяц (Там же. Л. 7). Став вскоре членом ВЛКСМ, он оказался среди делегатов 1-го Терского окружного совещания нацменьшинств (июль 1929 г.) как представитель горских евреев Ганштаковского сельсовета (Коваленко 2009: 173). Более того, после окончания колхозных курсов в Краснодаре именно Д.А. Измайлов, как считает В.Ю. Коваленко, стал первым председателем колхоза “КИМ” в хуторе Ганштаковка (Коваленко 2009: 174). Бениаминов и Х. Рабаев стали делегатами 1-й Всекавказской конференции работников просвещения горских евреев (Там же: 172).

Переселение горских евреев в указанные хутора (колонии) осуществлялось несколькими партиями и в разные годы. Из протокола заседания правления СевкавОЗЕТа от 29 января 1928 г. следует, что контингент заселяющихся горских евреев на фондах Терского округа был представлен *тремя группами*: 75 семей второй очереди моздокских переселенцев, 70 семей джегонасских переселенцев и 65 семей грозненских переселенцев (ГАРО. Д. 32. Л. 10). Тогда же речь зашла о том, чтобы доукомплектовать контингент переселенцев нальчикскими горскими евреями (о необходимости их частичного “переселения из пределов колонии” г. Нальчика сказано в “Докладе комиссии по проработке вопросов Горско-Еврейской колонии” от 24 ноября 1927 г. [ГАРО. Д. 30. Л. 19]. Важным для анализа положения нальчикских горских евреев является весь этот документ [Там же. Л. 19–20]; также см. другой документ о вероятном переселении нальчикских евреев [ГАРО. Д. 47. Л. 94; Д. 32. Л. 10]). Из документа от 2 февраля 1928 г. следует, что горским евреям “Нальчикской автономной колонии” было выделено 20 нарядов на переселение в Степновский район с весны 1928 г. (ГАРО. Д. 47. Л. 103). Впрочем, еще летом 1928 г. признавалось нецелесообразным переселение на “еврейские фонды” первых пяти семей нальчикских евреев (Там же. Л. 37). Их представитель Шаулов посетил в числе других одиннадцати горских евреев заседание окружной конференции Терского отделения ОЗЕТа 17 июня 1928 г. (Там же. Л. 41а–48). Список же “переселенцев Джегонасских евреев” был утвержден на заседании президиума Терского окружного правления

ОЗЕТа 2 марта 1928 г. (Там же. Л. 94). Отмечу, что летом 1928 г., еще до массового переселения на участок Степновского района грозненских и джегонасских горских евреев, признавалось необходимым направить на летние работы до осени 50 представителей от всех этих семейств, из которых 70 % — джегонассцы, 30 % — грозненские евреи (Там же. Л. 40). Интересна одна из форм самоорганизации горских евреев на территории Армавирского округа — товарищество. Так, 1 февраля 1928 г. на заседании правления Терского отделения ОЗЕТа было заслушано письмо “Кубано-Еврейского Товарищества Джегонасских горских евреев” (Там же. Л. 104). Предполагая закупку для их переселения лошадей и бричек, в Терском ОЗЕТе было решено обратиться в Терсельхозкредитсоюз с просьбой о выделении ссуды в размере 23000 руб.

По итогам заседания президиума Терского окружного правления ОЗЕТа от 5 мая 1928 г. один из сотрудников направлялся по запросу Невинномысского ОЗЕТа в станицу Невинномысскую для обсуждения вопроса “о предстоящем переселении джегонасских евреев в Степновском районе” (ГАРО. Д. 47. Л. 72). На заседании же президиума Терского окружного правления ОЗЕТа от 18 июня 1928 г., что особенно примечательно, присутствовали три представителя от джегонасских переселенцев (Мотаев⁴, Мелихов, Позоров) и два (Матаев и Шубаев) — от грозненских (Там же. Л. 38). Одному из сотрудников ОЗЕТа тогда поручалось “немедленно” выехать в станицу Невинномысскую для отбора и перевозки джегонасских переселенцев “этого года”, а другому — в Грозный для отбора и отправки на фонды “грозненской группы” (Там же). На заседании того же президиума 27 октября 1928 г. рассматривался вопрос о составлении оперативного плана на 1928—1929 гг. по земельному устройству горских евреев в Терском округе (на основании постановления ЦентрКомзета об утверждении 100 нарядов на переселение в Степновский район) и о доустройстве в том же районе 45 семей, а также о “доустройстве” 72 семей второй очереди в Моздокском районе (Там же. Л. 4).

Стоит обратить внимание на то, что Ганштаковка была основана и стала заселяться раньше (с весны 1927 г.), а Богдановка — позже, вероятно, ближе к середине 1928 г. Всего в Богдановке предполагалось поселить 350 семей. Однако из-за сложных адаптационных условий (недостаток питьевой воды, необходимость выделки самана самими переселенцами и пр.) на новой территории к середине 1928 г. обосновалось — указывает В. Дымшиц без ссылки на документы — только 60 семей горских евреев (Дымшиц, Бегун 1999: 129). Из доклада М.И. Ганштака от 20 мая 1928 г. следует, что на Степновских фондах, куда было утверждено нарядов на 150 семей *будущих* переселенцев, горские евреи *еще не проживали* — там пока решались другие вопросы. При этом указывалось, что на Моздокские фонды к тому времени прибыла уже *вторая* очередь переселенцев численностью 78 семей (ГАРО. Д. 47. Л. 67). Все это происходило достаточно оперативно, так как списки горских евреев второй очереди были утверждены незадолго до того — 5 мая 1928 г. (Там же. Л. 69). Важно отметить, реконструируя состав разных горско-еврейских групп, что горские евреи первой и второй очереди, переселяемые в Моздокский район (в т.ч. из Моздока), приходились друг другу родственниками (Там же. Л. 91).

К августу 1928 г. на Степновских фондах обосновалось уже 20 семейств горских евреев (джегонассцев), желавших остаться на зиму и сумевших перевезти на эти земли свои семьи (ГАРО. Д. 47. Л. 10—11). При этом для этих же джего-

наских евреев участки под поселение были ранее закреплены неподалеку от Ганштаковки. Их переселение, якобы в количестве 150 семей, предполагалось осуществить в течение 1927–1928 гг. при существенной финансовой поддержке со стороны центральных и региональных органов власти, а также ОЗЕТа (Акопян 2016: 56). Вторая группа горских евреев, начавшая осваивать Степновские фонды и вскоре составившая часть населения Богдановки, — это так наз. Грозненская группа (ГАРО. Д. 47. Л. 10–11), представленная горскими евреями — жителями г. Грозного; их первую группу в составе 67 семей предполагалось принять на Терреке весной 1928 г. (ГАРО. Д. 32. Л. 3). Вопрос об изучении положения горских евреев г. Грозного решался при активном участии СевкавКомзета, СевкавОЗЕТа и Грозненского отделения ОЗЕТа — в том числе с обоснованием необходимости их переселения в Терский округ и общения с самими горскими евреями (ГАРО. Д. 38. Л. 1–4об, 14). По итогам одной из поездок 1928 г. в Грозный даже рассматривалась возможность создания там “национальной автономной единицы из горских евреев”! В случае полноценного финансирования предполагалось переселить в Степновский район в течение 1928–1929 гг. 150 семей горских евреев (ГАРО. Д. 47. Л. 60).

Уместно задаться вопросом о перспективах пополнения источниковой базы о персональном составе переселенцев из той или иной горско-еврейской группы, о ее генеалогии до уровня отдельной семьи или даже отдельного человека. Во-первых, стоит продолжить поиск, безусловно, составлявшейся советской делопроизводственной документации, касающейся горских евреев Северного Кавказа, включая посемейные списки. Интересны актуальные для второй половины 1920-х годов списки грозненских горско-еврейских переселенцев (ГАРО. Д. 38. Л. 11–12, 15, 20об–21), в том числе в целях изучения их антропониимии, семейно-брачных отношений, а также эволюции так наз. большой семьи. Эвристический потенциал аналогичных документов тех же лет (напр.: ГАРО. Д. 30. Л. 1–11) трудно переоценить — они позволяют ставить на повестку дня вопросы о внутригрупповых отношениях и половозрастном составе группы, о процессах “русификации” и владения грамотой (как русской, так и еврейской), о лидерах той же грозненской группы (Н. Шубаев, В. Матаев⁵, Ш. Пейсахов), выступавших своеобразными посредниками между “обществом” и “властью”. Во-вторых, стоит учесть эвристический потенциал документальных источников из ГАКК, где на сегодняшний день хранится большая часть известных историкам материалов о Джегонаско-Еврейском поселке. В ряде документов второй половины XIX — начала XX в. содержится генеалогическая информация о жителях поселка, в том числе в концентрированном виде (ГАКК 1. Д. 605; ГАКК 2. Д. 2; ГАКК 3). Эти материалы могут послужить одним из перспективных оснований для уточнения генеалогических связей жителей хуторов Богдановка и Ганштаковка (хутор Менжинский) второй половины 1920-х — 1930-х годов. В-третьих, можно активнее привлекать электронные базы данных, включая “Подвиг народа” и “Память народа”. Выше описывался кейс Г.С. Рабаева, служившего в рядах РККА. Приведу еще один пример, относящийся к уточнению происхождения Хаскиля Шагбаевича Пинхасова, уроженца “с. Джегапал” (Джегонаско-Еврейского поселка), 1911 г.р., советского военного (Пинхасов Х.Ш. б.г.). Значение этого факта еще и в том, что Х.Ш. Пинхасов проживал в хуторе Богдановка, как уже хорошо известно, частично населенном именно “джегонасцами”. При этом удастся “удревнить” историю этой фамилии (точнее, ее части) на одно поколение по линии восходящего мужского родства. Речь идет

об упоминании в документе от 10 ноября 1898 г. жителя Джегонасско-Еврейского поселка Шабо Пинхасова (ГАКК 1. Д. 605. Л. 8), которого автор идентифицирует как отца Х.Ш. Пинхасова.

По-своему уникальны материалы санитарного обследования в 1927 г. 72 детей горских евреев г. Грозного, представлявших собой пионеротряд при школе № 11 (ГАРО. Д. 30. Л. 9).

Первая группа горских евреев в составе 15 чел. выехала из Грозного в Степновский район летом 1928 г. (ГАРО. Д. 38. Л. 19). Именно эта группа потом выражала недовольство условиями проживания и даже намеревалась до посева озимых уйти в 1928 г. с выделенного им в Степновском районе участка обратно в Грозный (ГАРО. Д. 47. Л. 18; Д. 38. Л. 23); об их “завышенных требованиях” говорилось и позже, например, в 1929 г. (ГАРО. Д. 56. Л. 38). В дальнейшем власти не оставляли наблюдений за положением горских евреев г. Грозного, что отмечалось, например, в 1929 г. на заседании секретариата Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) 22 ноября 1929 г. (ЦДНИРО. Д. 935. Л. 80б). Представителю же крайкома (т. Горфункелю), командированному в Грозный, одновременно поручалось обследовать ход нескольких кампаний (посевной, хлебозаготовки и пр.) на “земельных еврейских фондах в Моздокском районе Терского округа” (ЦДНИРО. Д. 935. Л. 80б). Подчеркну, что, несмотря на существенные усилия властей и различных организаций, многие переселенческие планы освоения горскими евреями земельных фондов Моздокского и Степновского районов Терского округа оказались нереализованными.

К 1928 г. в Ганштаковке и Богдановке “предполагалось разместить 500 семей (более 2500 чел.), но в реальности их было в два с половиной раза меньше” (Акопян 2016: 56). Поэтому неслучайно активизировалась переселенческая работа на этом направлении — стремились увеличить число жителей обоих хуторов, уже переживших начальный этап коллективизации. Из докладной записки д-ра Бурштейна “О поездке (по заданию СевкавказОЗЕТа. — Д.С.) в еврейские поселения на Сев. Кавказе”, 25 апреля — 5 мая 1929 г. (ГАРО. Д. 59. Л. 6—12) следует, что в Ганштаковке насчитывалось 59 дворов с населением около 300 человек, а также “общественный дом кирпичный”, в котором располагались различные учреждения, включая сельсовет, фельдшерский пункт, избу-читальню, клуб-театр, школу и пр. (Там же. Л. 7). К слову, школа была затем построена и в Богдановке (Дымишиц, Бегун 1999: 424). Переселенцев в хуторах все равно не хватало, в том числе по причине просчетов в ходе отбора людей для переселения, “отсева” из числа контингента так наз. негодных и пр. (ГАРО. Д. 56. Л. 11, 14). Необходимо сказать о том, что в новых условиях эти горско-еврейские хутора стали заселяться и другими группами евреев, в том числе ашкеназами, которые проживали и в Богдановке, и в Ганштаковке (Менжинском). По данным информантов С.А. Даниловой, в хуторе Менжинском в 1930-е годы проживали русские субботники (Исход горских евреев 2000: 157, 164). Этот замечательный пример симбиоза созвучен аналогичному совместному проживанию горских евреев и субботников в пос. Джегонасско-Еврейском Кубанской области еще до 1917 г. Выдвину следующую гипотезу: не являлись ли субботники Ганштаковки (возможно, они проживали и в Богдановке) “спутниками” джегонасских евреев, и не попали ли они на Терек вследствие не очень продуманной политики Армавирского отделения ОЗЕТа, критикуемой вышестоящими органами, например, в 1929 г. (о критике см.: ГАРО. Д. 56. Л. 49)?

В.Ю. Коваленко полагает, что в 1930 г. в обоих хуторах проживала основная часть еврейского населения сельской местности Терского округа — до 1500 человек, что было в 10 раз выше аналогичных показателей 1926 г. (Коваленко 2009: 177). Недаром в постановлении президиума Севкавказисполкома от 29 февраля 1932 г. обсуждался план вербовочной кампании и условия переселения горских евреев из Дагестана в Моздок (ГАРО. Д. 84. Л. 49). Тогда же постановили: утвердить выработанные КрайКомзетом в соответствии с постановлением президиума КИКа от 4 февраля 1932 г. условия переселения горских евреев из Дагестана в Моздок. Было решено: в целях обеспечения массовой работы среди возможных переселенцев отправить в Дагестан бригаду в составе шести человек, включая представителей колхоза “КИМ” (Там же). Поясню, что это был первый горско-еврейский колхоз на Северном Кавказе, образованный в Ганштаковке уже в 1930 г. (в СевкавОЗЕТе его полагали видеть среди “ударных” еврейских колхозов на Северном Кавказе: ГАРО. Д. 56. Л. 8). Следом был образован второй такой колхоз (в 1930-е годы стал именоваться колхозом “им. Кагановича”) — в Богдановке. Колхоз “КИМ”, пользуясь концентрированным вниманием властей, позднее стал одним из ведущих хозяйств Курского района по численности крупного рогатого скота, сбору хлопка и пр. достижениям уборочных кампаний (Коваленко 2009: 206 и др.). Примечательно, что в планах СевкавОЗЕТа уже на февраль 1930 г. была подготовка будущих “массовых экскурсий в еврейские колхозы”. А о первых мероприятиях по коллективизации на тех же Моздокских фондах и вовсе заговорили в 1929 г. (ГАРО. Д. 56. Л. 14, 34)! В издании 1932 г. указано, что количество хозяйств в колхозе “КИМ” — 108 в составе 503 человек, из числа которых (начиная с 16 лет) — 81 мужчина и 84 женщины, всего 165 человек (АХС 1932: 390–391). Второй колхоз — “им. Кагановича”, в отличие от первого, считался менее успешным, а его руководство периодически подвергалось критике за отсутствие крупных хозяйственных достижений и пр. Эти колхозы стали подчиняться системе центрального планирования, “в связи с чем их члены были вынуждены заняться, например, разведением свиней. Естественно, вначале многие были недовольны, но постепенно привыкли и даже достигли определенных успехов в новых для себя отраслях” (Дымшиц, Бегун 1999: 131). Действительно, среди организованных в колхозе “КИМ” товарных ферм находим и свиноводческую (АХС 1932: 391). Коллективизация привела к существенной ломке традиционных общественных отношений и внедрению нового, советского, образа жизни. Он, в частности, выразился в борьбе с религией, в замене еврейских праздников советскими, в превращении субботы в рабочий день, в борьбе с зажиточными жителями хуторов и кулаками и в преследовании евреев, занимавшихся ремеслом (Акопян 2016: 57; Дымшиц, Бегун 1999: 130–131). Стоит отметить, что в обоих хуторах горские евреи и в 1930-е годы старались соблюдать традиции, включая кашрут; роль синагог играли молитвенные дома (или часть дома, как, например, в Богдановке) (Исход горских евреев 2000: 143, 157). В таком доме, расположенном в хуторе Ганштаковка (хутор Менжинский), хранились свитки Торы, там “постоянно читали”, и даже имелся человек (Дон Давидович), почитавшийся местным населением как раввин (Там же: 157).

В 1932 г. признавалось целесообразным переселять горских евреев Дагестана (в т.ч. из идеологических целей, направленных на борьбу с традициями и религией горских евреев: ГАРО. Д. 84. Л. 62–63) на “Моздокские горско-еврейские переселенческие фонды”, где уже имелись два мощных колхоза с населением

до 200 семей; при этом в будущем признавалось возможным создание там даже *горско-еврейского района* (Там же. Л. 63). Было также решено организовать “хотачество” на земли этих фондов из Дербента, Буйнакскса, Хасав-Юрта и других населенных пунктов. Всего к переселению предназначалось 245 семей и до посевной кампании планировалось как минимум переселить 200 семей (Там же). Интересно, как северокавказские отделения Комзета и ОЗЕТа отреагировали на изменение партийной линии в отношении *перспективной* географии компактного еврейского расселения по территории СССР. По итогам III съезда ОЗЕТа в 1930 г., когда упор был сделан на “концентрированном переселении” в Крым и Биро-Биджан, СевкавОЗЕТ выступил с инициативой продолжить переселение горских евреев в Моздокский район не только с Северного Кавказа, но и из других мест, включая Дагестан (ГАРО. Д. 79. Л. 5). Интересна при этом мотивация действий СевкавОЗЕТа: инициатива опиралась на успехи в *концентрированном* переселении горских евреев в Моздокский район, а кроме того, учитывала необходимость создания кадров для Северного Кавказа как промышленного центра. Одним из решений правления СевкавОЗЕТа от 21 февраля 1931 г. стала отправка двух его сотрудников в Грозный и Нальчик “для вербовки переселенцев среди горских евреев” (Там же. Л. 7, 18). Однако в 1931 г. существенного улучшения ситуации на данном “фронте” не произошло, что с тревогой отмечалось на заседании президиума СевкавОЗЕТа 30 мая 1931 г. А весеннее переселение оценивалось как провальное на фоне хозяйственных проблем с обработкой земли и пр. (Там же. Л. 17–18). Сокращение численности населения в обоих горско-еврейских колхозах (негативное следствие коллективизации) стало одной из примет жизни в Богдановке и Ганштаковке в начале 1930 г. При этом в последующие годы “тенденция к сокращению числа еврейских колхозников на Северном Кавказе сохранилась. Последние имеющиеся данные относятся к 1934 г., и они указывают на то, что к этому времени в двух деревнях осталось 195 семей, из них в Ганштаковке — 70 и в Богдановке — 125” (*Дымшиц, Бегун* 1999: 131).

Переходя к выводам, отмечу, что в проведенном исследовании:

1. Были существенно уточнены имеющиеся оценки эффективности переселенческой политики советской власти по отношению именно к горским евреям.
2. Поставлены и частично решены новые исследовательские задачи:
 - изучение основных (в том числе малоизученных), предлагавшихся властями вариантов расселения горских евреев по территории СКК;
 - определение происхождения и состава горско-еврейских переселенческих групп;
 - анализ формирования “новых” горско-еврейских лидеров в новых условиях; и пр.
3. Введены в научный оборот новые документальные источники середины 1920-х — начала 1930-х годов, позволившие детализировать этапы заселения горскими евреями так наз. Моздокских и Степновских фондов Терского округа СКК.

В.З. Акопян полагает, что масштабные проекты по земельному устройству (аграризации) северокавказских евреев в первые советские десятилетия можно охарактеризовать таким образом: “Грандиозные замыслы, но ничтожные результаты” (*Акопян* 2016: 57). Это не совсем так. Во-первых, аналогичные проблемы хозяйственной и иной адаптации испытали на себе многие другие этниче-

ские группы — что стало существенной приметой этномиграционных процессов на территории СКК в 1920-е — начале 1930-х годов. Во-вторых, акцентированное внимание на количественных показателях и на затратах “огромных средств” (Там же: 58) не может в полной мере отразить результаты системной трансформации горско-еврейского населения Северного Кавказа. В-третьих, власти разных уровней пошли на реализацию специального проекта в отношении горских евреев (как старожильческих, так и “новых”, из числа беженцев). Гибкая переселенческая политика советской власти привела к изменению пространственного размещения горских евреев в регионе и, по сути, к успеху самого проекта — к созданию двух новых (моно)еврейских поселков.

На фоне бóльшего внимания ученых к проекту создания Еврейской автономной области с центром в Керчи, считаю исключительно важным продолжить изучение именно горско-еврейского проекта на территории СКК. Власти не остановились на создании двух (моно)еврейских поселков — политика коренизации привела к созданию и в Ганштаковке, и в Богдановке горско-еврейских сельских советов, школ; в перспективе речь шла об образовании горско-еврейского района.

По итогам проведенного исследования был существенно уточнен групповой состав (происхождение и пр.) горских евреев, участвовавших или намеченных властями к участию в создании еврейских поселений на территории СКК. Впервые в историографии автором выделены *пять* таких групп: горские евреи из Моздока, Грозного, Нальчика, Дагестана и бывшего Джегонаско-Еврейского поселка. Здесь же отмечу, что получены новые данные о судьбе жителей этого поселка, сконцентрировавшихся в середине 1920-х годов в Армавирском округе СКК (прежде всего в станице Невинномысской) и “обнаруженных” властями в ходе реализации одного из этапов заселения горскими евреями Терского округа.

В статье доказано, что именно проект по освоению так наз. еврейских фондов Терского округа привел к “обнаружению”/фиксации данной группы в бюрократическом дискурсе и в реальных практиках землеустройства горских евреев. Была ликвидирована таким образом существенная лакуна в истории изучения горских евреев Северо-Западного Кавказа, прошлое которых все активнее исследуется специалистами в области иудаики. Впервые в историографии аргументировано мнение о том, что в ходе специальных переселенческих мероприятий властями осуществлялись многочисленные описания конкретных горско-еврейских групп, терминология, методика и содержание которых (“бюрократическая антропология”) могут успешно применяться в ходе реконструкции миграционной истории горских евреев 1920-х — начала 1930-х годов, а также представлений о них в советском обществе и его структурах. В статье было доказано, что (пере)конструирование группы горских евреев СКК в немалой степени осуществлялось как *консолидация*: объединялись гетерогенные горско-еврейские группы, впрочем, определенно знакомые друг с другом еще в досоветский период (дружеские, родственные, торговые и иные связи). К примеру, горские евреи Джегонаско-Еврейского поселка в тот период не понаслышке были знакомы с горскими евреями Нальчика и Грозного. Локальные “сетевые сообщества”, представленные горско-еврейским населением Богдановки и Ганштаковки, активно развивали как свои старые (утрачивая их не менее активно), так и новые культурные симбиозы, включая акторно-сетевые коммуникации, например, с субботниками и с ашкеназами. На протяжении 1920–1930-х годов процессы группообразования

горских евреев носили достаточно активный и разноректорный характер. При этом они не могут быть сведены к массовой “советизации” под влиянием национальной политики советской власти и проводимой ею “аграризации” горских евреев на Северном Кавказе.

Примечания

¹ См. удачный пример применения концепции Б. Латура, в том числе относящийся к горским евреям Северного Кавказа: Колесов 2020: 33–59.

² В историографии существует мнение о том, что “инициатива выделения властями сельскохозяйственных земель горским евреям Северного Кавказа исходила от самой еврейской общины” – вскоре после создания в Москве Комзета в 1924 г. (Дымишиц, Бегун 1999: 127). Обращу внимание на приветствие делегации горских евреев 1-му съезду ОЗЕТа (15–20 ноября 1926 г.), в котором было сказано, что “евреи, как и любая национальность СССР, имеют право на свою автономию” (Могаричев 2020: 60–61).

³ Так, на заседании президиума Терского ОЗЕТа от 27 октября 1928 г. было решено вызвать председателя Ганштаковского кредитного товарищества т. Якубова, командировав его в Край-Комзет и ОЗЕТ «для разрешения вопроса об организации кустарных артелей по выработке кожи в колонии “Ганштатовка”» (ГАРО. Д. 47. Л. 5; см. др. подобные кейсы в том же деле: Л. 12, 31, 32). Для ремесленников Ганштаковки, “которые так и не смогли перейти к сельскохозяйственному труду, в поселении было создано несколько мелких кооперативов сапожников и скоряков: власти поставляли им сырье” (Дымишиц, Бегун 1999: 128). В этом же году на заседании президиума Терского ОЗЕТа (от 18 августа 1928 г.) посчитали нецелесообразным создание кустарной кожевенной артели для 10 семейств, переселяющихся на фонды Степновского района на свои средства; напротив, давали разрешение на создание такой же артели для переселенцев, соглашавшихся зимовать на Степновском участке. Нелегко приходилось примерно в то же время другим горским евреям – кожевникам-кустарям г. Грозного (ГАРО. Д. 38. Л. 16).

⁴ Не был ли этот джегонасский еврей “Мотаев” и сельский судья Джегонасско-Еврейского поселка Захар Матаев (КОВ 1911: 1) одним и тем же лицом? Выдвину гипотезу о том, что представители авторитетных среди горских евреев-джегонассцев второй половины XIX – начала XX в. семей (среди них были, кстати, и Мелиховы с Матаевыми: Колесов, Сень 2009: 406) могли в советский период претендовать на первые роли при общении с властями. Напр., о З. Мелихове см.: ГАРО. Д. 47. Л. 59. Горский еврей Якубов от имени джегонасских переселенцев активно контактировал с Терским отделением ОЗЕТа (ГАРО. Д. 47. Л. 21, 27).

⁵ О Викторе Матаеве (грозненский горский еврей, не путать с Мотаевым-джегонассцем!) и его амбивалентных отношениях с властями см: ГАРО. Д. 47. Л. 36; Д. 38. Л. 14–14об; Д. 32. Л. 34; Д. 30. Л. 1.

Источники и материалы

АХС 1932 – Административно-хозяйственный справочник по сельскому хозяйству Северо-Кавказского края. Ростов-на-Дону: Издание Сев.-Кавказского КРАЙЗУ, 1932.

Всесоюзная перепись 1928 – Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткие сводки. Вып. IV, Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ, 1928.

ГАКК 1 – Государственный архив Краснодарского края. Ф. 449. Оп. 3.

ГАКК 2 – Государственный архив Краснодарского края. Ф. 774. Оп. 2.

ГАКК 3 – Государственный архив Краснодарского края. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5447.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-1484. Оп. 1.

Исход горских евреев 2000 – Исход горских евреев: разрушение гармонии миров / Сост. С.А. Данилова, В.Н. Котляров. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2000.

- КОВ 1911 — Кубанские областные ведомости. 1911. 25 сентября.
- Пинхасов Х.Ш. б.г.— Пинхасов Хаскиль Шагбаевич. Уроженец с. Джегапал, 1911 г.р. // Память народа. https://pamyat-naroda.ru/heroes/kld-card_uchet_officer9590230 (дата обращения: 26.06.2023).
- Рабаев Г.С. б.г.— Рабаев Георгий Семенович // Память народа. https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_vpp10578064 (дата обращения: 26.06.2023).
- ЦДНИРО — Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-7. Оп. 1.
- ЦК РКП(б)—ВКП(б) 2005 — ЦК РКП(б)—ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1, 1918—1933 гг. / Сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2005.
- У горских евреев-колонистов 1927 — У горских евреев-колонистов // Терек. 1927. 15 ноября.
- УЦГА АС КБР — Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-2. Оп. 1.
- Учетная карточка Г. Рабаева б.г.— Учетная карточка Георгия Семеновича Рабаева // Память народа. <https://tinyurl.com/y82t5286> (дата обращения: 26.06.2023).

Научная литература

- Аверьянов А.В.* Национальная политика на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920—1930-е гг. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2020.
- Акопян В.З.* К вопросу о земельном устройстве горскоеврейских беженцев на Юге России в 1920—30-е гг. // Региональный нарратив имперской провинции: современные методологические подходы и исследовательские практики / Отв. ред. И.В. Крючков. Ставрополь: СКФУ, 2016. С. 52—58.
- Гольде Ю.* Проблема Приазовских плавень // Трибуна еврейской советской общественности. 1928. № 22. С. 13—15.
- Гольде Ю.* Проблема Приазовских плавень // Трибуна еврейской советской общественности. 1929а. № 1. С. 6—9.
- Гольде Ю.* Проблема Приазовских плавень // Трибуна еврейской советской общественности. 1929б. № 2. С. 3—4.
- Дымшиц В., Бегун И.* (ред.) Горские евреи: история, этнография, культура. Иерусалим; М.: ДААТ; Знание, 1999.
- Коваленко В.Ю.* Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX — первой трети XX веков (на материалах Ставрополья и Кубани). Дис. ... канд. ист. наук. Ставропольский гос. ун-т, Ставрополь, 2009.
- Колесов В., Сень Д.* Недолгая история горских евреев Северо-Западного Кавказа // Диаспоры. 2000. № 3. С. 198—210.
- Колесов В., Сень Д.* Выборы, элиты, идентичность // Материалы Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике / Отв. ред. В.В. Мочалова. М.: Центр “Сэфер”, 2009. С. 401—413.
- Колесов В.И.* Горские евреи, урымы, черкесогаи: типология немусульманских групп Северо-Западного Кавказа середины XIX века // Judaic-Slavic Journal. 2020. № 2 (4). С. 33—59.

- Михайлов И.В. Карачаево-Черкесская Республика. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2014.
- Могаричев К.Ю. К вопросу о проектах еврейской автономии в Крыму в 1920–1940 гг.: историографический аспект // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 85–98.
- Могаричев К.Ю. К вопросу о дискуссии по поводу Еврейской автономии в СССР: 1920-е гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия “История”. 2020. № 2. С. 58–64.
- Сень Д.В. Горско-Еврейская колония Кабардино-Балкарской автономной области во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. // Северокавказский город как пространство социально-экономического развития и межкультурного диалога (к 300-летию г. Нальчика): материалы Международной научно-практической конференции (Нальчик, 28–30 сентября 2023 г.): в 2 ч. / Отв. ред. В.М. Грусман. Ч. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарский ун-т, 2023. С. 57–68.
- Соловьева Н.Г. Из истории горских евреев северокавказского региона (поселок Джегонаско-Еврейский, вторая половина XIX – первая половина XX вв.) // Кавказ на исторических переломах XIX–XX столетий: проблемы политической, социальной и интеллектуальной истории. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Георгия Алексеевича Дзидзария. Сухум: Дом печати, 2016. С. 164–174.
- Хатыев Р.Т. Евреи в Карачае. Черкесск, 2016.
- Шпагин С.А. Деятельность Общества по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ) в 1924–1937 гг. // Проблемы истории. Ростов-на-Дону: РГУ, 1994. С. 46–49.
- Шпагин С.А. Тихий юбилей: ОЗЕТ на Дону // Донской временник. Год 1996. Ростов-на-Дону: ДГПБ, 1995. Вып. 4. С. 117–122.

Research Article

Sen', D.V. Mountain Jews of the North Caucasus Area in the Condition of (Re)construction of the Group: 1920s – Early 1930s [Gorskie evrei Severo-Kavkazskogo kraia v usloviakh (pere)konstruirovaniia gruppy: 1920-e – nachalo 1930-kh godov]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2024, no. 5, pp. 10–28. <https://doi.org/10.31857/S0869541524050027> EDN: ASZWJE ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS]

Dmitriy Sen' | <http://orcid.org/0000-0002-5222-4685> | dsen1974@mail.ru | Southern Federal University (105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia)

Keywords

adaptation, Mountain Jews, resettlement, North Caucasus

Abstract

The article analyzes the Soviet government policy toward the resettlement of, and land management among, several groups of Mountain Jews at the Mozdok and Stepnovsky districts of the Terek region of the North Caucasus area. The goals and objectives (economic and political) are identified, as well as the stages of these resettlement activities in the 1920s – early 1930s. The origin and quantitative composition of a number of groups of Mountain Jews actively involved in resettlement by various government and other structures throughout the territory of the Terek District are revealed. The study made it

possible to establish the significant role of the regional branches of the Society for Land Settlement of Jewish Workers and the Committee for Land Settlement of Jewish Workers in the processes of development by Mountain Jews of the plots of land allocated to them in the Terek region. Based on the results of the study, the group composition (origin, etc.) of Mountain Jews who participated in the creation of (mono)Jewish settlements in the North Caucasus area has been significantly clarified.

Funding Information

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 23-28-00106]

References

- Akopian, V.Z. 2016. *K voprosu o zemel'nom ustroistve gorskoevreiskikh bezhentssev na Yuge Rossii v 1920–30-e gg.* [On the Issue of the Land Arrangement of Mountain Jewish Refugees in the South of Russia in the 1920s–30s]. In *Regional'nyi narrativ imperskoi provintsii: sovremennye metodologicheskie podkhody i issledovatel'skie praktiki* [Regional Narrative of the Imperial Province: Modern Methodological Approaches and Research Practices], edited by I.V. Kriuchkov, 52–58. Stavropol': Izdatel'stvo SKFU.
- Averianov, A.V. 2020. *Natsional'naia politika na Donu, Kubani i Stavropol'e v 1920–1930-e gg.* [National Policy on the Don, Kuban and Stavropol in the 1920s–1930s]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo YuFU.
- Dymshits, V., and I. Begun, eds. 1999. *Gorskie evrei: istoriia, etnografiia, kul'tura* [Mountain Jews: History, Ethnography, Culture]. Jerusalem; Moscow: DAAT; Znanie.
- Golde, Y. 1928. Problema Priazovskikh plaven' [The Problem of the Azov Floodplains]. *Tribuna evreiskoi sovetskoi obshchestvennosti* 22: 13–15.
- Golde, Y. 1929. Problema Priazovskikh plaven' [The Problem of the Azov Floodplains]. *Tribuna evreiskoi sovetskoi obshchestvennosti* 1: 6–9.
- Golde, Y. 1929. Problema Priazovskikh plaven' [The Problem of the Azov Floodplains]. *Tribuna evreiskoi sovetskoi obshchestvennosti* 2: 3–4.
- Khatuev, R.T. 2016. *Evrei v Karachae* [Jews in Karachay]. Cherkessk.
- Kolesov, V., and D. Sen'. 2000. Nedolgaia istoriia gorskikh evreev Severo-Zapadnogo Kavkaza [A Short History of the Mountain Jews of the North-Western Caucasus]. *Diaspory* 3: 98–210.
- Kolesov, V., and D. Sen'. 2009. Vybery, elity, identichnost' [Elections, Elites, Identity]. In *Materialy Shestnadtsatoi Ezhegodnoi Mezhdunarodnoi mezhdistsiplinarnoi konferentsii po iudaike* [Proceedings of the Sixteenth Annual International Interdisciplinary Conference on Jewish Studies], edited by V.V. Molchanova, 401–413. Moscow: Tsentr “Sefer”.
- Kolesov, V.I. 2020. Gorskie evrei, urymy, cherkesogai: tipologiiia nemusul'manskikh grupp Severo-Zapadnogo Kavkaza serediny XIX veka [Mountain Jews, Uryms, Circassogai: A Typology of Non-Muslim Groups in the Northwestern Caucasus in the Middle of the 19th Century]. *Judaic-Slavic Journal* 2 (4): 33–59.
- Kovalenko, V.Y. 2009. *Evrei v khoziaistvennoi, politicheskoi i sotsial'noi zhizni rossiiskoi provintsii v kontse XIX – pervoi treti XX vekov (na materialakh Stavropol'ia i Kubani)* [Jews in the Economic, Political and Social Life of the Russian Provinces at the End of the 19th – the First Third of the 20th Centuries (On the Materials of Stavropol and Kuban)]. PhD diss., Stavropol' State University.
- Mikhailov, I.V. 2014. *Karachaev-Cherkesskaia Respublika* [Karachay-Cherkess Republic]. Stavropol': Stavropol'servishkola.

- Mogarichev, K.Y. 2018. K voprosu o proektakh evreiskoi avtonomii v Krymu v 1920–1940 gg.: istoriograficheskii aspekt [On the Issue of the Projects of Jewish Autonomy in the Crimea in 1920–1940: A Historiographical Aspect]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki* 4 (2): 85–98.
- Mogarichev, K.Y. 2020. K voprosu o diskussii po povodu Evreiskoi avtonomii v SSSR: 1920-e gg. [On the Question of the Discussion about Jewish Autonomy in the USSR: 1920s]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Seriya "Istoriia"* 2: 58–64.
- Shpagin, S.A. 1994. Deiatel'nost' Obshchestva po zemel'nomu ustroistvu trudiashchikhsia evreev (OZET) v 1924–1937 gg. [Activities of the Society for Land Management of Working Jews (OZET) in 1924–1937]. In *Problemy istorii* [History Questions], 46–49. Rostov-on-Don: RGU.
- Shpagin, S.A. 1995. Tikhii yubilei: OZET na Donu [A Quiet Anniversary: OZET on the Don]. *Donskoi vremennik. God 1996* 4: 117–122.
- Sen', D.V. 2023. Gorsko-Evreiskaia koloniia Kabardino-Balkarskoi avtonomnoi oblasti vo vtoroi polovine 1920-kh – nachale 1930-kh gg. [Gorsko-Jewish Colony of the Kabardino-Balkarian Autonomous Region in the Second Half of the 1920s – Early 1930s]. In *Severokavkazskii gorod kak prostranstvo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia i mezhkul'turnogo dialoga (k 300-letiiu g. Nal'chika): Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Nal'chik, 28–30 sentiabria 2023 g.)* [North Caucasian City as a Space of Socio-Economic Development and Intercultural Dialogue (On the 300th Anniversary of Nal'chik): Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Nalchik, September 28–30, 2023)], edited by V.M. Grusman, 1: 57–68. Nal'chik: Kabardino-Balkarskii universitet.
- Solovieva, N.G. 2016. Iz istorii gorskikh evreev severokavkazskogo regiona (poselok Dzhegonassko-Evreiskii, vtoraiia polovina XIX – pervaiia polovina XX vv.) [From the History of the Mountain Jews of the North Caucasian Region (The Village of Dzhegonasso-Jewish, the Second Half of the 19th – the First Half of the 20th Centuries)]. In *Kavkaz na istoricheskikh perelomakh XIX–XX stoletii: problemy politicheskoi, sotsial'noi i intellektual'noi istorii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia Georgiia Alekseevicha Dzidzariiia* [The Caucasus at the Historical Turning Points of the 19th–20th Centuries: Problems of Political, Social, and Intellectual History: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Georgy Alekseevich Dzidzaria], 164–174. Sukhum: Dom pechati.